

АНДЕРС ДЕ ЛА МОТТ

МОНС НИЛЬССОН

ЧИСТО ШВЕДСКИЕ

УБИЙСТВА

ОТПУСК В РАЮ

ПЕРЕВОД
ЕЛЕНА ТЕПЛЯШИНОЙ

18+

ДЕТЕКТИВ

МИОО

*Мы любим Эстерлен и потому постарались
описать его историю и географию как
можно точнее. Но в некоторых случаях,
когда того требовал сюжет, мы позволили
себе немного отклониться от правды*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Петер Винстон, 49 лет
Комиссар уголовной полиции, отдел по расследованию убийств, Стокгольм

Туве Эспинг, 28 лет
Младший детектив, полиция Симрисхамна

Джесси Андерсон, 42 года
Знаменитый риелтор, телезвезда

Элин Сиденваль, 25 лет
Ассистентка Джесси

Кристина Лёвенгельм, 49 лет
Психолог, бывшая жена Петера Винстона

Поппе Лёвенгельм, 54 года
Хозяин замка Ерснес, второй муж Кристины

Аманда Винстон, 16 лет
Дочь Петера и Кристины

Тира Бурен, 52 года
Шеф криминалистов

Юнна Устерман, 44 года
Журналист, главный редактор «Симбрисхамнсбладет»

Фелисия Одуя, 33 года
Хозяйка «У Фелисии», Комстад

Софи Врам, 63 года
Хозяйка конфермы, инструктор по верховой езде

Ян-Эрик Шёхольм, 72 года
Артист на пенсии

Альфредо Шёхольм, 61 год
Костюмер, дизайнер одежды

Никлас Мудиг, 33 года
Хоккеист-профессионал из Лос-Анджелеса

Ларс-Йоран «Эл-Йо»

Улофсон, 60 лет

Пасечник, а также шеф
полиции Симрисхамна

Свенск и Эландер

Полицейские, служащие
полиции Симрисхамна

Фредрик Урдаль, 36 лет

Электрик из Тумелиллы

Хассе Пальм, 57 лет

Электрик из Шёбу

Даниэлла Мудиг, 33 года

Инфлюэнсер. Наездница,
занимается конкурсом

Маргит Дюбблинг, 75 лет

Председательница
муниципального совета
Йислёвсхаммара

Боб

Пес породы колли, принадле-
жащий Фелисии, постоянно
крутится в кофейне

Плутон

Длинношерстный кот,
постоянно крутится в Бэкса-
стюган

Солнце еще изо всех сил цеплялось за весеннее небо, но все же понемногу опускалось в воды пролива Борнхольмстаттет. Чайки парили высоко над дюнами, а лучи низкого вечернего солнца превращали море в жидкую ртуть. Вода сейчас, в середине мая, еще оставалась холодной, и пляж пустовал. В живописном рыбацком поселке Йислёвсхаммар, расположенном за полкилометра отсюда, начали зажигаться фонари, а на горизонте угадывался серый силуэт грузового судна, медленно направлявшегося на запад.

В былые времена в этих местах хозяйничали пираты. Устраивали на берегу фальшивые маяки, заманивали суда на мель, а моряков — на смерть. Остовы кораблей и останки людей еще покоились где-то на дне, погребенные под песком предательских отмелей. Может быть, поэтому этот живописный край все еще нес на себе печать чего-то недоброго, череды злодейств.

Фургон из тех, что нанимают для переездов, свернул с шоссе и покатил по безымянной проселочной дороге, вившейся среди золотых рапсовых полей и сквозь сумрак прибрежного леса. Дорога оканчивалась разворотной площадкой совсем рядом с последними дюнами и настолько близко к морю, что до обоих сидевших в машине мужчин донесся запах водорослей и соленой воды.

Перед фургоном высилась недавно сваренная металлическая ограда с основательными автоматическими воротами. Табличка рядом с воротами гласила: «Йислёвsstrанд. Ваше место в жизни. Ваш стиль жизни». Чуть ниже помещалась еще одна, предупреждающе-яркая, с текстом гораздо более суровым: «Посторонним вход воспрещен!»

Водитель, квадратный мужчина с двумя толстыми складками на загривке, подвел машину к домофону у ворот. Опустив

окошко, он с видимым усилием высунулся из кабины, отчего у него между штанами и футболкой показался голый живот, и нажал кнопку вызова.

Загорелось кольцо диодных лампочек, и на водителя уставился глаз камеры.

— Джесси Андерсон, — раздался из динамика женский голос — резкий, как удар хлыста. У говорившей был американский акцент.

— Здравствуйте, это Ронни из «Эстерленфлютт», — по-сконски протяжно проговорил водитель. — Мы привезли этот... — Ронни поискал нужное слово. — Крюк.

Металлическая решетка плавно заскользила вверх.

— Come on in*.

Пространство за оградой по большей части являло собой строительную площадку с бытовкой для рабочих, мусорными баками и кое-какой техникой. Впереди угадывался ряд абсолютно одинаковых, недавно залитых фундаментом, из которых торчали в вечернее небо пластиковые трубы. Слева стоял фасадом к морю единственный пока готовый дом.

— Ну и ну!

Дом был выстроен из бетона, стали и стекла. Прямые линии, острые углы. Ни карнизов, вообще ничего, что нарушало бы прямоугольную форму.

— Бункер какой-то. С пятьсот квадратных метров, наверное. Как по-твоему?

Напарник водителя, Стиббе, молча кивнул.

На подъездной дороге стояли две машины, одной из которых был белоснежный «Порше»-кабриолет. Ронни заглушил мотор, и оба вылезли из кабины, одновременно хлопнув дверцами.

* Заезжайте (*англ.*).

Навстречу им уже шла женщина лет сорока с небольшим: длинные светлые волосы, узкая юбка, ворот блузки щедро расстегнут. Высокие каблуки цокали по каменной плитке.

Не успел Ронни открыть рот, как женщина раздраженно подняла палец, продолжая говорить по мобильному телефону.

— Can I put you on hold for just a minute, James?*

Ронни и Стиббе многозначительно подмигнули друг другу — как всегда, когда клиентка бывала хорошенькой.

— Вы Джесси Андерсон? — спросил Ронни, хотя видел лицо женщины и в газетах, и по телевизору.

— Вы опоздали почти на два часа, — резко заметила Джесси. Ронни пожал плечами.

— Скульптор, Улесен, с упаковкой не справился. Нам со Стиббе пришлось ему помогать, времени ушло больше, чем...

— Это не мои проблемы, — отрезала Джесси. — Сроки надо соблюдать. Завтра я позвоню вашему начальству, потребую пересмотреть счет за доставку. А теперь разгружайте, у нас мало времени. Элин покажет, где смонтировать скульптуру.

Она махнула женщине помоложе — темноволосой, в очках, — резко повернулась и зацокала обратно к дому, снова вернувшись к телефонному разговору.

— Sorry for that, James. As I was saying, don't pay any attention to the rumors. The market in Skåne is booming and Gislövsstrand is an excellent investment opportunity...**

— Элин Сиденваль, ассистентка Джесси, — представилась молодая женщина. Ей было лет двадцать пять, в речи слышался стокгольмский выговор. Блузка застегнута под горло,

* Джеймс, подождете минутку? (англ.)

** Простите, Джеймс. Как я говорила, не обращайте внимания на слухи. Рынок в Сконе переживает подъем, Йислёвсstrand — великолепная возможность для инвестиций... (англ.)

а каблуки значительно практичнее, чем у начальницы. В одной руке женщина держала папку-планшет. — Скульптуру надо установить внизу, в гостиной.

— Внизу? — спросил Ронни. — В наряде ничего про лестницу не сказано.

Элин заглянула в документы.

— Установить в гостиной на нижнем этаже, — прочитала она.

— Вот именно. Про лестницу ничего нет, — констатировал Ронни.

— Это дом ступенчатой этажности, он выстроен на склоне, — сухо объяснила Элин. — Холл, кухня, гостевая, гардеробная и еще несколько комнат — на верхнем этаже. Общие пространства, спа и хозяйская спальня — на нижнем этаже с выходом в сад и к морю. Скульптура будет стоять в гостиной, непосредственно под кухней. Вот, сами посмотрите!

Она протянула Ронни планшет и постучала по нему пальцем.

Обычно Ронни в таких случаях начинал протестовать, но шеф предупредил их, что с этой клиентки надо сдвигать пылинки.

Элин Сиденвальль вопросительно вскинула бровь.

— Ну? Работаем?

Ронни смиренно вздохнул и откинул задвижку на задних дверцах фургона.

— Две сороки весны не делают, или как ты там говоришь, а, Стиббе? — проворчал он, удостоверившись, что Элин его не услышит.

Прошел почти час. Перевозчикам удалось стащить скульптуру вниз по лестнице и установить ее в гостиной. Элин зорко наблюдала за ними и прерывала их труды, как только возникал хоть малейший риск того, что они заденут стены или перила. Потом она взяла рулетку и лично удостоверилась, что скульптура стоит именно там, где должна. Однако Джесси Андерсон

осталась недовольна. Ронни и Стиббе пришлось трижды перетаскивать скульптуру взад-вперед, прежде чем Джесси наконец отпустила их с миром.

Элин проводила обоих к выходу. Ронни — может, у него резко понизился сахар, а может, дело было в незапланированном спуске по лестнице — не удержался и нарушил инструкции шефа.

— Про вас вчера в газете было, — сказал он. — Николовиус написал новое письмо; вот он вас припечатал. — Ронни, к своему удовольствию, заметил, что ассистентка скривилась. — Кто бы ни был этот Николовиус, он ненавидит вашу начальницу. И вряд ли он в этом одинок, верно?

Элин промолчала.

Ронни подмигнул ей и полез в фургон.

— Откроете ворота? — спросил он, опустив окошко.

— Поезжайте, и они откроются автоматически, — сухо ответила ассистентка.

Элин Сиденвальд еще постояла, глядя, как закрываются ворота и исчезают в прибрежном лесу габаритные огни фургона. Одинокий уличный фонарь бросал на асфальт круг света, за пределами которого тьма казалась еще гуще. Чайки смолкли. Где-то вдалеке кричала неясность.

Жутковатый звук заставил Элин передернуться, и к ней вернулось чувство, преследовавшее ее со вчерашнего дня, когда она прочитала то самое послание.

«Эстерлен не станет мириться с этим злодеянием, — писал человек, называвший себя Николовиусом. — Час возмездия близок. Виновные дорого заплатят за свою жадность».

Эти слова не давали Элин покоя. Неужели она одна из виновных? И что имел в виду анонимный автор, говоря, что они дорого заплатят?

Элин вдруг необъяснимым образом показалось, что за ней кто-то наблюдает. Словно в непроглядной темноте таились не только совы.

Кто-то желал им с Джесси зла.

Снова прокричала неясить.

— Глупости, — буркнула Элин. Джесси же говорила — не надо принимать близко к сердцу. Они не позволят какому-то консерватору, который трусливо прячется за псевдонимом, напугать себя.

Элин глубоко вдохнула раз, другой, вернулась в дом и убедилась, что заперла за собой дверь.

Рядом с просторным холлом поместилась внушительная кухня с поверхностями из нержавеющей стали и гладкими каменными столешницами. Из динамиков доносилась негромкая музыка.

Элин поднялась на лестничную площадку, которая словно парила над гостиной. В гостиной Джесси восторженно рассматривала только что смонтированную металлическую скульптуру: почти двухметровый, толщиной с человеческую руку, гигантский рыболовный крючок. Крюк установили на постаменте так, что его крепление было развернуто к морю, а острие направлено на площадку, где стояла сейчас Элин. В целом инсталляция напоминала огромную, запрокинутую назад «J».

— Magnificent*, верно? — Джесси провела рукой по металлу от петли, где должна крепиться леска, наискось по изгибу и дальше, по острию с мощной зубриной. — The Hook**! На него вот-вот начнут клевать покупатели. И заинтересованная пресса.

Несмотря на шутливый тон Джесси, Элин пришлось подавить дрожь. Скульптура казалась ей отвратительной, но она сочла за лучшее промолчать.

* Великолепно (англ.).

** Крюк (англ.).

— Ты правда думаешь, что это сработает? — спросила она.

— Сколько раз можно объяснять? — фыркнула Джесси. — Это же основа риелторской стратегии. Крючок — способ отвлечь внимание, сместить фокус.

Пальцы с длинными, кроваво-красными ногтями задержались на зазубрине.

— И газеты вместо «Местные жители продолжают протестовать против застройки для миллионеров» напишут: «Местный художник дарит скульптуру знаменитому риелтору».

Джессика опустила руку.

— У нас все готово для tomorrow*?

Элин кивнула.

— Председатель совета по вопросам культуры придет в десять.

— А газеты?

— «Симбрисхамнсбладет», «Истадс Аллеханда», «Сконска Дагбладет» и «Сюдсвенскан» готовы. «Ди Уикенд» тоже хотят кое-что сделать, но раньше следующей недели не смогут никого прислать.

— Окей. Да уж, не «Вэнити Фэйр»... — Джесси криво улыбнулась. — Но мы молодцы. Вот видишь, скульптура уже окупается. Этот мерзкий крюк привлечет сюда посетителей фестиваля искусств, а жителям того и надо. Вуаля — и больше никаких жалоб! Никаких анонимных писем в газету, никто больше не собирает подписи против застройки. Клиенты вернутся, и деньги потекут рекой.

Джесси снова погладила гладкий металл.

— Они у нас на крючке, — пробормотала она. — Все разом.

С улицы вдруг донесся какой-то шум.

— Что это? — сказала Элин.

— Наверное, перевозчики пакуются.

* Завтрашнего дня (англ.).

— Нет, я видела, как они уезжают. Несколько минут назад.

— Значит, надо выйти и посмотреть, что там.

Джесси поднялась по лестнице, прошла через кухню и прихожую — Элин следовала за ней — и распахнула дверь.

— Вот дерьмо!

Дрожащий призрачный свет рядом с бытовкой отбрасывал длинные тени на гравийную площадку.

— Пожар! — охнула Элин.

Из мусорного контейнера вырывались неровные языки пламени. Огонь словно только-только проснулся и теперь пытался обрести оплот.

— Смотри! — Элин указывала на «Порше» Джессики.

По белому лаку тянулось написанное красными буквами «СВОЛОЧЬ». Запах краски из баллончика еще висел в воздухе, смешиваясь с запахом гари и дыма.

Джесси постояла молча, сжав зубы и быстро оглядывая строительную площадку.

— Fucking cowards!* — заорала она. — А ну покажитесь!

Звук ее голоса пометался между постройками и замер. Пару секунд было тихо, слышалось только потрескивание разгоравшегося огня. Вдруг возле горящего контейнера что-то зашевелилось. Элин задержала дыхание.

Из теней наполовину высунулась темная фигура. Черная одежда, лицо скрыто лыжной маской. Фигура, одной рукой указывая на женщину, другой угрожающе провела себе по шее.

Из горящего бака донесся хлопóк, в небо взметнулись искры. Языки пламени стали ниже, отчего тени сгустились еще больше, а когда огонь разгорелся с новой силой, фигура в черном уже исчезла.

* Чертовы трусы! (англ.)

— Час возмездия, — прошептала Элин. — Совсем как в письме Николовиуса.

Джесси повернулась к ней и спокойно, ледяным тоном проговорила:

— В прачечной есть огнетушитель. Живее, пока пожар не разгорелся! Когда огонь уляжется, позвонишь в авторемонтную мастерскую, найдешь того, кто до завтрашнего утра закрасит эту гадость.

— Н-но надо вызвать пожарных, — запротестовала Элин. — И полицию! Вдруг он еще здесь.

— Мы никуда не будем звонить, — отрезала Джесси. — Позвоним — завтра же угодим в «Симбрисхамнсбладет», а этим трусам только того и надо! — И она указала на пылающий контейнер. — Этот диверсант, кто бы он ни был, уже далеко отсюда. Неси огнетушитель, туши пожар, а потом займись моей машиной! И никому ни слова. Всего этого просто не было. Элин, ты меня поняла?